

**ДАНИИЛ АНДРЕЕВ КАК МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
(К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСКОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ)**

**DANIŁ ANDRIEJEW JAKO PISARZ MISTYCZNY
(PROBLEM SAMOOKREŚLENIA PISARZA)**

**DANIIL ANDREYEV AS A MYSTICAL WRITER
(ON THE QUESTION OF WRITER'S SELF-DETERMINATION)**

Jana Nowakowska

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska

Abstract: In this article we defined the aim of bringing closer Daniil Andreyev's personality which refers to the statements of the writer's self-identification. In conclusion, Andreyev is a mystical writer who thought about himself as a messenger, visionary, dualist, poet-magician and words seeker. Moreover, Andreyev considered himself as a creator who does not invent things, but only in the language of poetry describes the otherworldly. The mystical was not only present in his works, but also amounted to a component of his personality. Its foundations were reconstructed on a deep Orthodox faith influenced by the philosophy of Vladimir Solovyov, the poetry of Alexander Blok, the visions of Alexander Kovalensky as well as his individual mystical experience.

Słowa kluczowe: Daniil Andriejew, pisarz mistyczny, posłaniec

Ключевые слова: Даниил Андреев, мистический писатель, вестник

Keywords: Daniil Andreyev, mystical writer, messenger

Даниил Леонидович Андреев (1906–1959) – это поэт, прозаик, второй сын писателя Леонида Николаевича Андреева и Александры Михайловны Велигорской, прежде всего знаменит как автор поэтического ансамбля¹ *Русские Боги*, драмы *Железная мистерия* и метаисторического трактата² *Роза Мира*. Трагическая биография поэта сложилась в годы революции, мировых войн и сталинского правления. Большую часть детства и молодости Андреев провел в семье Доб-

¹ Поэтический ансамбль – жанр, созданный Даниилом Андреевым. Точное определение данного термина находится в книге *Русские Боги*, см.: Д. Андреев, *Собрание сочинений в трех томах. Русские Боги*, т. 1, Москва 1993, с. 28.

² Метаисторический трактат – жанр, разработанный Даниилом Андреевым. Проблема этого термина была уже затронута нами в статье на польском языке: J. Nowakowska, „*Róża świata*” Daniła Andriejewa jako przykład traktatu metahistorycznego, [w:] *Kreatywność w nauce, sztuce i kulturze*, pod red. H. Chałacińskiej, B. Waligórskiej-Olejniczak, Poznań 2014, с. 211–220.

ровых в Москве. Служил на фронте. Вскоре после окончания Второй мировой войны был осужден и посажен во Владимирскую тюрьму за роман *Странники ночи*. В заключении Андреев провел десять лет. В связи с осложненной стенокардией был освобожден в 1957 году. На протяжении двух лет сражаясь с болезнью, творчески работал. Поэт ушел из жизни в марте 1959 года, не дождавшись ни одной публикации своих сочинений, которые появились только спустя тридцать лет³.

Творческое наследие Андреева, изданное в 1993–1996 годах в виде трехтомника, приняло форму своего рода монолита, где произведения сгруппированы не в хронологическом, а тематическом порядке, что привело в затруднительное положение исследователей андреевского творчества, так как не позволяло выделить в его жизни этапы творческой эволюции и включить его фигуру в контекст какого-либо направления культуры. Возможно именно поэтому первые литературные поиски начались с вопроса о неоднозначной личности писателя. Однако еще до появления научно-исследовательских работ за Андреевым уже успели закрепиться определения вроде „религиозного провидца“, „прорицателя“, „поэта милостью Божией“, с одной стороны, а с другой – резонера, еретика, певца антихриста и бесописца⁴.

Характеристики, приведенные первыми критиками и литературоведами, актуализировали в образе писателя аспекты духовного учительства, религиозного пророчества, проблему поэтизации одной высокой утопической идеи⁵. Затем ученые анализировали в творчестве Андреева проблемы эстетики и поэтики⁶, связь с постмодернизмом⁷, отношения к русской классике⁸, нерелексивные формы

³ Г. Н. Ионин, *Даниил Андреев*, [в:] *Русские писатели XX века. Библиографический словарь*, под ред. Н. Н. Скатова, т. 1, Москва 1998, с. 60–63; J. Orłowski, *Daniel Andriejew – współczesny rosyjski myśliciel religijny*, „Zeszyty Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego” 1994, t. 34, с. 119–131; А. Палей, *Идейное наследие Даниила Андреева (pro et contra): постановка проблемы*, [в:] электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/continent/2001/109/palei.html> (13.01.2014).

⁴ И. Чиндин, *Даниил Андреев: эволюция романтической мистики*, [в:] электронный ресурс: <http://rozamira.org/blocks/books/annotatsiya3.htm> (13.01.2014).

⁵ Там же.

⁶ Е. Н. Красовская, *Государство и проблема страха в поэтическом ансамбле „Русские боги” Д. Андреева*, [в:] *Русская литература в XX веке. Имена, проблема, культурный диалог*, под ред. Т. Л. Рыбальченко, Томск 2001, с. 87–98; А. И. Ванюков, „Александрійский век” – „голубая свеча” – „русские боги”. *Поэтика заглавий в художественном мире Даниила Андреева*, [в:] *Филология*, под ред. Ю. Н. Борисова, В. Т. Клокова, Саратов 1998, с. 20–26.

⁷ М. Эпштейн, „Розы Мира”. и царство Антихриста: о парадоксах русской эсхатологии, [в:] электронный ресурс: <http://philosophy.ru/library/epstein/andreev.html> (13.01.2014).

познания⁹, философские идеи¹⁰, художественный метод поэта¹¹, идейное наследие Андреева¹², жизнестроительную концепцию поэта¹³, космогенезис¹⁴, биоэволюцию вселенной¹⁵ и др.

подавляющим большинством исследователей писатель воспринимается как великий мистик и визионер XX века либо в отрыве от всякой духовной традиции, либо, наоборот, в связи со всеми мистическими традициями сразу (Эммануила Сведенборга, Уильяма Блейка, Майстера Экхарта, Якоба Беме и т. д.)¹⁶. Среди работ, затрагивающих вопрос о мистике Андреева следует выделить диссертацию Игоря Чиндина, который соотносит мистическое чувство поэта с мистическим чувством йенского романтизма, пытаясь найти андреевское место в философско-литературной традиции¹⁷.

В данной статье зададимся целью раскрыть личность Андреева, обращаясь к личным высказываниям писателя о себе. Здесь мы используем подход, предложенный Александром Кораблевым. Ученый в своей статье, посвященной творчеству Михаила Булгакова, исходит из принципа, что „прежде чем устремиться за мистическим писателем, стоит проверить и удостовериться, действительно ли он дал себе такое определение“¹⁸.

⁸ С. Б. Джимбинов, *Пушкин в жизни и творчестве Даниила Андреева*, [в:] электронный ресурс: http://www.rodon.org/andreev/_pvjitda.htm (13.01.2014).

⁹ Е. В. Орлова, *Нерефлективные формы познания в контексте творчества Д. Андреева*, Архангельск 2003.

¹⁰ Д. К. Ахтырский, *Философские идеи в творчестве Д. Андреева*, Москва 2004.

¹¹ А. С. Игнатьева, *Д. Андреев в процессе обновления русского реализма XX века*, Вологда 2002.

¹² А. Палей, *Идейное наследие Д. Андреева (pro et contra): постановка проблемы*, [в:] электронный ресурс: <http://proroza.narod.ru/palei.htm> (13.01.2014).

¹³ О. А. Дашевская, *Жизнестроительная концепция Д. Андреева в контексте культурно-философских идей и творчества русских писателей первой половины XX века*, Томск 2006.

¹⁴ В. Е. Ом, *Мироздание „Розы Мира“. Синтез науки, религии и философии. Космогенезис*, Ташкент 2000.

¹⁵ М. И. Штеренберг, *„Розы Мира“ Даниила Андреева и современность*, Москва 2000.

¹⁶ А. Б. Галкин, *„Розы мира“ Даниила Андреева и чудо как культурно-исторический факт*, [в:] электронный ресурс: http://lit.lib.ru/g/galkin_a_b/rozamiradoc.shtml; С. Б. Джимбинов, *Даниил Андреев и современность*, [в:] электронный ресурс: http://www.rodon.org/andreev/_dais.htm (13.01.2014); В. Ю. Ирхин, *Даниил Андреев и гностическая традиция*, [в:] электронный ресурс: <http://lib.babr.ru/?book=2184> (13.01.2014); Т. Шуран, *Мистерия истории в сочинениях Владимира Соловьева и Даниила Андреева*, [в:] электронный ресурс: http://samlib.ru/s/shuran_t_i/02solovyov.shtml (13.01.2014).

¹⁷ И. Чиндин, *Философско-мистические аспекты йенского романтизма в творчестве Даниила Андреева*, Москва 2004.

¹⁸ А. А. Кораблев, *Михаил Булгаков как мистический писатель (К вопросу об авторском самоопределении)*, [в:] электронный ресурс: http://holos.org.ru/files/2013/01/korablov_krakow.pdf (13.01.2014).

В 1950 году в стихотворении, которое позже станет частью поэтического ансамбля *Русские Боги*, в цикле *Сквозь природу*, Андреев написал о себе: „Я вестник другого дня” (*Русские Боги*, „Сквозь природу” 1950, № 6). Как следует понимать термин *вестник* в данном поэтическом признании? Слово *вестник* и *вестничество* в творчестве Андреева появляется неоднократно. Однако, наиболее полно концепт *вестничества* поэт излагает в трактате *Роза Мира*:

Вестник – это тот, кто, будучи вдохновляем даймоном, дает людям почувствовать сквозь образы искусства в широком смысле этого слова высшую правду и свет, льющияся из миров иных. Пророчество и *вестничество* – понятия близкие, но не совпадающие. *Вестник* действует только через искусство; пророк может осуществлять свою миссию и другими путями – через устное проповедничество, через религиозную философию, даже через образ всей своей жизни¹⁹.

Вестник руководствуется миссией синтеза художественного творчества и духовного подвига. Помимо творческого и духовного дара, он обладает *метаисторическими* и *трансфизическими* способностями, благодаря которым, *вестник* может раскрывать духовную суть исторического процесса, странствуя по потусторонним мирам (во время сна или транса), а также осязать близость с природой. Существуют светлые и темные²⁰ *вестники*. К светлomu *вестничеству* Андреев причисляет античную трагедию, персидскую поэзию „в лице Фирдоуси, Саади, Низами, Руми”, всю индийскую литературу „сплошь, от ведических гимнов до Рабиндранат Тагора”, творения западных писателей: Вольфрама фон Эшенбаха, Данте Алигьери, Франческо Петрарки, Мигеля де Сервантеса, Педро Кальдерона, Уильяма Шекспира, Джона Мильтона, Перси Биши Шелли, Сэмюэла Тейлора Кольриджа, Иоганна Вольфганга фон Гете и др.²¹ В русской культуре *вестниками* были Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Федор Достоевский, Николай Лесков, Иван Тургенев, Лев Толстой, Алексей Толстой и др.

Андреевское осмысление творчества в связи с понятием *вестничества* проявляет удивительное сходство с концепцией провидче-

¹⁹ Д. Андреев, *Собрание сочинений в трех томах. Роза Мира*, т. 2, Москва 1997, с. 368–381.

²⁰ Темные вестники в противоположность светлым вдохновляются не светлыми, а темными даймонами (демонами). Их миссия, в восприятии Андреева, заключается в развенчивании и осмеивании духовности в истории, искусстве, религии, жизни, человеческой душе. К такой группе людей Андреев причислял Фрэнсиса Бэкона, Огюста Конта, Макса Штирнера, Фридриха Ницше, Карла Маркса, Александра Скрябина и др. См.: Там же.

²¹ Там же.

ского творчества, предложенной Карлом Густавом Юнгом. С точки зрения Юнга, художественное творчество можно разделить на два вида: психологическое и провидческое. В психологическом творчестве описывается драматический опыт, почерпнутый из сознательной жизни человека, невыходящий за рамки психологических идей. Поэт, писатель в данном случае поднимает обыденность до уровня поэтического опыта, раскрывая глубины бытия. Так написаны, между прочим, любовные романы, семейные саги, детективы, жанры, затрагивающие социальные вопросы, дидактическая поэзия, комические и трагические лирики и драмы. Провидческое же творчество своей глубиной далеко превосходит психологическое и предъявляет совершенно иные требования к таланту художника. Оно раскрывает мистический опыт, видение того, „чему еще предстоит быть“. Однако, на вопрос, что может скрываться за этими образами, Юнг отвечает: „Видение ли это других миров или духовной тьмы, или же первоначал человеческой психики? Мы не можем утверждать ничего наверняка“²².

Кроме того, перечисленные Андреевым творцы вписываются в круг авторов мистических произведений, указанных Михаилом Яковлевым в *Литературной энциклопедии терминов и понятий*. Ученый называет здесь, в частности, *Божественную комедию* Данте, *Освобожденный Иерусалим* Торквато Тассо, *Потерянный рай* и *Возвращенный рай* Мильтона, трагедии Шекспира, творчество Гете и *Розу Мира* Андреева. Таким образом, андреевскому трактату, как и другим мистическим созданиям литературы, должна быть присуща универсальная интуиция двоимирия, анамнезис (погружение художника в мистический мир), теургия (уровень художественной реализации и восприятия) и применение символа как средства закрепления и передачи мистического²³.

Вернемся к вопросу авторского самоопределения. Итак, Андреев в 50-е годы думает о себе как о *вестнике*, т. е. о художественном творце, который с помощью произведений предвещает „другой день“ – грядущее будущее. Как поэт, в исполнении своей миссии он прибегает к словам, которым порой придает причудливые формы неологизмов. Причины этого нового словотворчества Андреев объясняет в стихотворении 1955 года, в приведенном уже цикле *Сквозь природу*:

²² К. Г. Юнг, *Психология и литература*, [в:] электронный ресурс: <http://jungland.net/node/1564> (13.01. 2014).

²³ М. В. Яковлев, *Мистическое*, [в:] *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин, Москва 2001, с. 557–558.

Не ради звонкой красоты,
Как, может быть, подумал ты,
Не блеска ради
Ввожу я новые слова,
Так странно зримые сперва
Вот здесь, в тетради.
[...] Понятиям новым – новый знак
Обязан дать поэт и маг,
Искатель слова.
Нет, я из книг их не беру.
Они подсказаны перу
Златыми снами²⁴.

В этом стихотворении поэт создает свои мистические неологизмы, словно Платон свои метафорические образы солнца и пещеры.

Д. Андреев, что чрезвычайно важно для осмысления его творчества, также считал себя дуалистом. В письме к Родиону Гудзенко, в 1958 году, за четыре месяца до смерти, он написал:

Ведь я, дорогой друг, закоснелый и непереубедимый дуалист (не в философском, а в религиозном смысле), и в моих глазах вся жизнь, все мироздание – мистерия борьбы провиденциальных и демонических сил. Конечно, я верую в конечную – космическую победу Благоего начала. Но на отдельных участках и в отдельные периоды времени (иногда с точки зрения человеческих мерил весьма длительные) победы могут оставаться и за темными силами. Не представляю, как иначе можно объяснить историю. Впрочем, у меня это не результат логических рассуждений, а выводы из метаисторического созерцания²⁵.

Показательно то, что Андреев видит мир не как взаимодействие двух полярностей, а именно как беспрестанную борьбу двух сил, в которой силы света представляются ему первичными. Данное противостояние между злом и добром, а также пылающее желание осознания смысла зла просвечивает сквозь все творчество Андреева. Становление такого мировоззрения у поэта вырабатывалось в годы разрушения святости, коммунистического террора, жуткого страха, когда люди жили в ожидании ареста и потери близких. Все грезы и мечты о храме Солнца Мира, который должен был спасти Россию от зла в облике Антихриста, Андреев поместил в своем романе *Странники ночи*. Именно этот роман стал предлогом и причиной приговора для нескольких человек, и вместе с этим – глубоким угры-

²⁴ Д. Андреев, *Собрание сочинений в трех томах...*, указ. соч., т. 1, с. 397.

²⁵ Д. Андреев, *Собрание сочинений в трех томах. Воспоминания о Д. Л. Андрееве*, т. 3, кн. 2, Москва 1997, с. 73.

зением совести для самого автора. Пережив тюремное заключение, избиения, психическую ломку, неудивительно, что Андреев признавался в „закоснелом“ дуализме.

В воспоминаниях близких людей портрет Андреева вырисовывается следующим образом. Ирина Усова, знающая поэта с детства, пишет, что его всегда манило сверхъестественное и таинственное (например, история об Антлантиде, в которую безапелляционно верил). Для Усовой он был типичным поэтом романтического направления, который руководился личными чувствами и настроениями, а с логикой жизни не шел ни на какие компромиссы. Она называет поэта „волшебником слова“, умеющим выразить невыразимое. Однажды Усова спросив Андреева, почему он познаваемое за пределами земной реальности наделяет новыми именами, получила следующий ответ: „По тому же, как и географы дают имена вновь открываемым ими горам и рекам“²⁶.

Родион Гудзенко воспринимал поэта как осторожного, набожного мистика, который все время анализировал козни дьявола²⁷. Алексей Смирнов, сын близкого друга Андреева, еще будучи ребенком, видел в нем особенного человека, постоянно общающегося с потусторонним миром. Для него он был „хрупким сосудом мистического сосредоточения“²⁸. Василий Парин, советский академик, физиолог, атеист, подружившийся с Андреевым в тюремной камере, рассказывал Алле Андреевой, жене поэта, что когда Андреев писал, складывалось впечатление, будто „он не пишет, в смысле «сочиняет», а едва успевает записывать то, что потоком на него льется“²⁹.

На мистическое мировоззрение Андреева согласно сведениям близких поэта существенное влияние произвели две личности. Первая из них – женщина, актриса художественного театра, Надежда Бутова, по словам жены поэта, открывшая перед пятнадцатилетним Даниилом „глубину и духовную красоту православной обрядности“³⁰. За что Андреев был ей искренне признателен до конца своей жизни.

²⁶ И. В. Усова, *Даниил Леонидович Андреев в моей жизни*, [в:] Д. Андреев, *Собрание сочинений в трех томах...*, указ. соч., т. 3, кн. 2, с. 400.

²⁷ Р. С. Гудзенко, *Слово о Данииле Андрееве. Литературная запись И. С. Мальского*, [в:] Д. Андреев, *Собрание сочинений в трех томах...*, указ. соч., т. 3, кн. 2, с. 462.

²⁸ А. Г. Смирнов, *Даниил Андреев и его окружение*, [в:] Д. Андреев, *Собрание сочинений в трех томах...*, указ. соч., т. 3, кн. 2, с. 470.

²⁹ А. А. Андреева, *Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой*, [в:] Д. Андреев, *Собрание сочинений в трех томах...*, указ. соч., т. 1, с. 19–20.

³⁰ Там же, с. 9.

Вторая личность, которая в юности имела „подавляющее”³¹ влияние на Андреева – это Александр Коваленский, тоже поэт, „врожденный большой барин”, с детства посвященный в высшие мистические тайны³². Он был троюродным братом Александра Блока и мужем дочери Добровых, у которых воспитывался Андреев. Они жили вместе с Андреевым в доме Добровых. А. Коваленский был старше Андреева почти на десять лет. Довоенные произведения Коваленского, по словам Аллы Андреевой, были овеяны неким мистически-провиденциальным духом³³.

Согласно Леониду Бежину, существуют также сведения о том, что Коваленскому случалось находиться в странных состояниях полутранса, пребывая в которых он диктовал, а Андреев записывал³⁴. Андреев и Коваленский не только делились своими творческими плодами, но и сверяли мистические переживания³⁵. Хотя у поэтов было очень много общего, между ними существовала разница в подходе к увиденному. На основании тюремной переписки Андреевых можно сделать вывод, что Коваленский избегал и даже боялся словесных обозначений иных миров и их обитателей. Андреев, в свою очередь, считал это кардинальной ошибкой, которая приводит к путанице и аберрации.

Кроме того, А. Смирнов в своих воспоминаниях пишет о том, что становление Андреева как поэта-мистика произошло не только под влиянием Коваленского, но и Александра Блока³⁶. Сам Андреев также признавал преемственную связь своих исканий с творчеством поэта-символиста. В *Розе Мира* Андреев описывал мистические встречи, которые происходили между ним и Блоком:

Я видел его летом и осенью 1949 года [...] Блок был и остается моим другом, хотя в жизни мы не встречались, и когда он умер, я был еще ребенком. Но на некоторых отрезках своего пути я прошел там же, где когда-то проходил он. Другая эпоха, другое окружение, другая индивидуальность, отчасти даже его предупреждающий пример, а главное – иные, во много раз более мощные силы предохранили меня от повтора некоторых его ошибок³⁷.

Д. Андреев видит в Блоке человека, на которого была возложена та же миссия *вестничества*, что и на него, но поэт-символист не смог

³¹ Там же, с. 12.

³² А. Г. Смирнов, указ. соч., с. 470.

³³ Л. Бежин, *Даниил Андреев – Рыцарь Розы. Заметки странствующего энтузиаста*, Москва 2006, с. 98.

³⁴ Там же, с. 99.

³⁵ Там же, с. 102.

³⁶ А. Г. Смирнов, указ. соч., с. 469.

³⁷ Д. Андреев, *Роза Мира*, указ. соч., с. 433.

ее завершить. Более того, Блок стал для Андреева душевным вожаком в его мистических видениях³⁸. Как Вергилий, ведущий Данте по аду, поэт-символист показывал темные стороны бытия в сонных маршах Андрееву. Следует подчеркнуть, что данные мистические встречи случались с Андреевым уже в заключении.

В андреевском стихотворении *Александру Блоку* лирический субъект восклицает: „Мой водитель! Мой брат, пепелящим огнем опаленный!“³⁹. Автор стихотворения призывает Блока, чтобы он помог „мастерству – безнаградному долгу поэта“, не дав ему забыть ночные видения. В конце стихотворения он именуется себя наследником поэта-символиста, принимая его незаконченную миссию:

Поднимаю твой крест!
твой таинственный миф продолжаю!
И до утренних звезд черной перевязи не сниму⁴⁰.

Мистическую близость в творческом и духовном смысле, Андреев также чувствовал с Владимиром Соловьевым, который был для него единственным истинным русским философом и великим духовидцем. Привязанность к авторитету Соловьева в Андрееве была настолько сильна, что „стоило кому-нибудь объявить себя религиозным мистиком, поклонником Владимира Соловьева и поэзии, как Даня уже считал, что такому человеку вполне можно довериться“⁴¹. Духовный опыт Соловьева, запечатленный в *Трех свиданиях*, в восприятии Андреева превосходил опыт Экхарта, Беме, Сведенборга и индийских мистиков. Миссия же великого русского философа, заключалась в подготовке исторической и религиозной обстановки для возникновения интеррелигии *Розы Мира*⁴².

В. Соловьев был важен также для Блока, написавшего о нем статью под заглавием *Рыцарь-монах*⁴³. Андреев на основании анализа стихотворений Блока и личных мистических видений утверждал, что Соловьев в образе монаха в темном одеянии с мечом являлся Блоку во снах. Более того после смерти Блока, согласно Андрееву, Соловьев должен был помочь поэту-символисту выйти из демонических слоев обитания. Следует также отметить, что Андреев заим-

³⁸ Д. Андреев, *Встреча с Блоком. Отрывок из неоконченной поэмы*, [в:] Д. Андреев, *Собрание сочинений в трех томах...*, указ. соч., т. 3, кн. 1, с. 602–604.

³⁹ Д. Андреев, *Русские Боги*, указ. соч., с. 235.

⁴⁰ Там же, с. 236.

⁴¹ И. В. Усова, указ. соч., с. 417.

⁴² Д. Андреев, *Роза Мира*, указ. соч., с. 414–417.

⁴³ А. Блок, *Рыцарь-монах*, [в:] электронный ресурс: <http://www.vehi.net/soloviev/ablock.html> (13.01.2014).

ствовал у Блока определение „Рыцарь-монах” и сделал Соловьева героем в своей драме *Железная мистерия*. Соловьев в образе „Рыцаря-монаха” общается со светлыми духами провиденциальных сил, влияя на *метаисторические* процессы России⁴⁴.

Кроме Коваленского, Блока и Соловьева среди творческих личностей, которые значительно повлияли на Андреева как на поэта следует назвать: Александра Грибоедова, Николая Гумилева, Велимира Хлебникова и Максимилиана Волошина. Каждому из этих поэтов Андреев посвятил стихотворение в цикле *Крест поэта*⁴⁵. В стихотворении *Грибоедов* автор поднимает вопрос о том, какую миссию берет на себя русский поэт и куда она может его привести, сознательными или бессознательными путями. В произведениях о Гумилеве и Хлебникове Андреев задумывается над тем, кем должен быть поэт, и приходит к выводу: витязем, воином, патриотом, человеком слова и чести. Сочинение, посвященное Волошину, воспевает его вольную, открытую и сильную личность поэта.

Итак, Д. Андреев – мистический писатель, который определял себя как *вестника*, *духовидца*, *дуалиста*, *поэта-мага*, *искателя слова*, *творца*, который не выдумывает, а лишь на языке поэзии описывает потусторонность. Мистическое было свойственно не только его произведениям, но также являлось составной частью его личности. Ее основы воссоздавались на глубокой православной вере под влиянием философии Соловьева, поэзии Блока, видений Коваленского, а также индивидуального мистического опыта.

⁴⁴ Интересно, что образ монаха у Андреева, однако не связанный непосредственно с Соловьевым, появляется еще в стихотворении *Александру Коваленскому и моей сестре – Александре Филипповне Добровой-Коваленской*: „Но здесь – покой, здесь нет тоски / Здесь молча светится причастье / Благословляющей руки. / Здесь многокнижными ночами / Монах склонившись на копье, / Следит недвижными очами / Крещение странное мое”. Монах здесь становится надзирателем своего рода таинственного ритуала, которому поддается Андреев, и перед которым остерегает Андреева сестра: „– Будь осторожен вдвое! Страшный / Соблазн тобою завладел”. Д. Андреев, *Александру Коваленскому и моей сестре – Александре Филипповне Добровой-Коваленской*, [в:] его же, *Собрание сочинений в трех томах. Стихотворения из черновиков*, Москва 1997, т. 3, кн. 1, с. 593–594.

⁴⁵ Д. Андреев, *Крест поэта*, указ. соч., т. 3, кн. 1, с. 573–576.